

ИЗ
ВЪ
ИМ.

На литературные темы.

Страшная комедия г. Чехова.

Г. Чехов — очень талантливый. Такого общего мнения, которое установилось о нем в литературе. Да и трудно не признавать таланта у писателя, который создал «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Степь», и несколько других прекрасных рассказов, который даже выставлял в литературе подражателей, в лицах, например, г.г. Ежова, Грушинского и др.

Да, г. Чехов талантливый. Но, к сожалению, давно уже в его талант замечается нечто болезненное, декадентское, что возбуждало опасения на ряду с теми превеликими надеждами, которые на него возлагались.

Опасение возбуждало отсутствие твердой почвы у таланта г. Чехова, отсутствие определенных стремлений, сколько либо определенного мироощущения, с точки зрения которого он мог бы взглянуть на мир. И вместе с этим, у г. Чехова замечается какое-то странное стремление к экстравагантности сюжетов, лиц, даже выражений, которое все усиливается и усиливается.

В произведениях г. Чехова последнего времени все больше и больше фигурирует какой-то сгнанный мир, какое-то нагромождение психопатов, которых, в сущности, на свете не так много, как в произведениях г. Чехова. Читая эти произведения, не раз вспоминаешь Лермонтова:

Съ кого они портреты пишут,

Где разговоры эти слышуют?

В это смысле наиболее характерна его «комедия» «Чайка», недавно поставленная на сцене в Петербурге, а теперь напечатанная в декабрьской книжке «Русск. Мысли». Кажется неприятно замечать, что о г. Чехове, недавно уже нам не приходилось ничего читать больше психопатического, за исключением разве «драмы» «Мотрелинка», этого «кукольного Шекспира».

На сцене, как известно, «комедия» г. Чехова была сначала осуждена. И не только! Но потом пошли критики (кажется, только в одном «Н. Вр.»), которые превозносили ее до небес. Оая, между прочим, находили в «комедии» г. Чехова прекрасную картину провинциальных нравов.

Провинциальных нравов! Очевидно, г. критики имеют очень странное представление о провинции. Конечно, и у нас в провинции не мало психопатов, но центр того психопатизма, какой изображен в «комедии» г. Чехова, во всяком случае не находится в столице.

В «комедии» фигурирует литературно-художественная богема, режиссеры искусства и прожигатели жизни, для которых слава и наслаждение являются всем, потому что больше у них ничего нет за душой. Они воображают себя «знаменитостями», солью земли, не догадываясь, как призрачна их «слава».

Такова в «комедии» «знаменитая» артистка Аркадина и «знаменитый» беллетрист Тригорин (сколько у нас, читателей, знаменитых!). Ему далеко еще до сорока лет, ей уже больше сорока, но они влюблены друг в друга, их соединяет «слава».

Эти лица несомненно были бы интересны, если бы только автор больше понимал их. «Знаменитая» артистка Аркадина дурная мать, скряга, себялюбивая, часто завистливая и живущая затуманенная чадом своих сомнительных сценических успехов.

Беллетрист Тригорин пишет повести за повестью, доводит каждую сюжетом, выражения и сам не знает, зачем он все это делает, потому что у него нет за душой ничего, чтобы он желал сказать читателям.

И вот эти столичные «знаменитости» приезжают в деревню, где, конечно, скучают, так как не находят кругом себе той экзотической атмосферы, которая их создала. Авторы, впрочем, причины их скуки не сознают, почему и не изображают их на фоне более здорового настроения.

Напротив, кругом их мы видим все таких же психопатов. Вот девушка Нина, которую автор называет «Чайкой», подразумеваемая этим, что она выросла на лоне природы, возле озера, как чайка, которая кружится над озером. Но мы не видим ее натуральной, она уже заражена ядом богемы, ей претит в это озеро, и эта природа, она стремится на сцену, в ту пеструю атмосферу, которая создала и Аркадину, и Тригорина, принимая, как чайка ночью, электрический свет за настоящее солнце.

Автор в этом, пожалуй, прав, но прав безосновательно. Он сам, повидимому, принимает электрический свет за настоящее солнце. В «комедии» мы не видим не только солнца, но даже хотя бы стрелы дневного света. Не исключая «Чайки», в ней нет ни одного нормального лица. Провинциалами являются: декадент, Треплев, достойный сынок мамаш Аркадиной, девушка, нюхающая табак (и зачем эта нежная черта понравилась г-ну Чехову?), управляющий имением Шамраев, — его отец, которого автор изображает грубым и помешанным, потому что он неохотно отрывается от работы дождя для похода к «знаменитой» артистке, и наконец мамаша «двухна, нюхающая табак», которая уговаривает молодого человека (сына Аркадиной) обратить внимание на ее уже замужнюю в это время дочку, влюбленную в него.

И мы еще не кончили коллекции монстров, выведенных в «комедии». Там есть еще 60-летний старец, брат актрисы, который на сцене дит желает жить и наслаждаться жизнью, учитель Медвденко, который все говорит о своей нужде и недостатке денег, и доктор, который большого, вместе с лекарством, лечит сомнительного достоинства шугочками. И все они говорят одним и тем же диланым языком, которым никто не говорит, и поступают так, как никто не поступает на свете. Вот, напр., Маша, «двухна, нюхающая табак». Человек, из которого она влюблена, только что грубо оттолкнул ее, и тотчас же, когда он заиграл в соседней комнате вальс, она начинает кружиться по комнате в присутствии своей мамаш. Это напоминает ту сцену в «Иванове», когда Иванов ни с того, ни с сего начинает гоняться по сцене за девушкой, в которую влюблен. Сцена эта обычно ставят в очень неловкое положение артиста и артистку, исполняющих ее.

В довершение всего, читатели недоумевают, почему г. Чехов назвал свою пьесу «комедией». Сюжет ее, в сущности, драматичен: беллетрист Тригорин увлекается молодой девушкой «Чайку», приняв ее за солнце, потому бросает ее, а дека-

Иван. Гаврик

Каморский

дентъ Треплевъ, тоже влюбленный въ нее, кончатъ жизнь самоубійствомъ. По сюжету, это сюрре драма, и если ее можно назвать комедіей, то развѣ потому, что действущія лица въ ней осязательны.

Комедія г. Чехова производитъ очень странное и запуганное впечатлѣніе. А жаль, потому что въ ней есть матеріалъ для действительно хорошей пьесы. Но этотъ матеріалъ, точно червоточной, испорченъ страннымъ авторомъ къ экстравагантности и неумѣнью разобраться въ томъ, что онъ изображаетъ. Это стремленіе къ вычурности, къ экстравагантности, есть своего рода психическая болѣзнь, коринная, вѣроятно, въ развѣченности меркн, въ распятиности взглядовъ, въ отсутствіи нрмн и цѣли въ жизни.

Болѣзнь эта довольно широко выразилась въ новейшей французской литературѣ, задѣла она и нашу, поразила отчасти и такой прекрасный талантъ, какимъ обладаетъ г. Чеховъ. Въ жизни болѣзнь эта выражается въ буркѣ и дубинѣ г. Емельянова-Коханскаго, именующаго себя «демономъ», въ крылышкахъ г-жи Гиппиусъ; въ литературѣ въ погонѣ за странными сюжетами, странными лицами и странными положеніями.

Одно время г. Чеховъ, подъ вліяніемъ произведеній Л. Н. Толстого, сталъ было проповѣдывать простую жизнь, противопоставлять простыхъ людей вычурнымъ и искусственнымъ, напр., въ своемъ разсказѣ «Жена». Но какимъ на самомъ дѣлѣ страннымъ и вычурнымъ языкомъ выражается, въ послѣднемъ разсказѣ докторъ, котораго онъ изображаетъ простымъ!

Талантъ г. Чехова, какъ видно, серьезно боленъ и ему слѣдовало бы обратнъ на это вниманіе, чтобы постараться устранить во время то болѣзненное, декадентское, что есть въ немъ.

А Умьскій.